

Дерево

Я шла туда одна.

Вчера весь день лил дождь. Не ливень, а такой мелкий моросящий дождь, который падает из единственной однотонной тучи, затянувшей всё небо. Сначала я молила господа бога о том, чтобы это кончилось, а потом поняла, что бесполезно. Что мне так и суждено весь этот день проташиться по полю, промокнув до нитки. Без единого шанса.

А поле было под стать дождю. Я спустилась на него с пригорка как раз, когда первые капли упали с неба. Надевала плащ, которому вскоре было суждено превратиться просто в тяжёлую мокрую тряпку, и смотрела на это бесконечное поле. Серая земля, усыпанная редкими высохшими травинками — частями колосьев то ли ржи, то ли пшеницы, которая тут росла и была скошена.

Конечно же, я рассчитывала, что оно кончится через пару часов, может, чуть больше. Как и дождь. Потому что, когда тащишься по мокрой, почерневшей от воды земле, которая проваливается под твоими сапогами, дольше чем два часа, то всё становится как-то совсем тоскливо и уныло. Даже больше: всё становится как-то отчаянно.

И вот чем дальше я шла, тем чаще думала: скорей бы это кончилась. Скорей бы это кончилось. Дождь и поле. Поле и дождь. Бесконечный дождь и бесконечное поле. Во все четыре стороны вокруг тянулось оно, без единого овражка, без единой рожицы, гладкое, как какой-то адский бильярдный стол. Весь день. Весь этот мерзкий, серый, безликий промозглый день.

Где-то часов в шесть вечера я разрыдалась. Упала задницей на свой рюкзак и разрыдалась. Капли дождя смывали мои слёзы, словно показывая, какой убогой песчинкой была моя грусть посреди громадного безмолвного ничто. Я вдруг осознала, что ни разу за весь день не видела даже птиц. Почему? Потому, что их действительно не было вокруг, или я просто не обращала внимания? А вообще, птицы в дождь летают? Я вот не знаю этого...

А ещё раньше, до этого момента, захотелось повернуть назад... Ведь что там позади и сколько мне идти до дома, я знала, а вот сколько идти вперёд... Только догадывалась. Но я себя переборолла.

Вечером, когда я наконец добралась до леса и кое-как развела костёр из присыпанных листьями

гнилых коряг, дождь ещё накрапывал, но вскоре стих. Я повесила свою тряпку, то есть плащ, на ветку торчащего рядом дерева. Оставалось надеяться, что он высохнет и завтра будет сухая погода.

Только я развалилась у костра, проглотив бутерброды с сыром и чипсы, как из леса на огонёк вышел парень. Возраста он был где-то моего, на внешность, прямо скажем, не красавец. Худой и какой-то... на ум лезет слово «плешивый». Попросил погреться, что я могла ответить?

— Ты оттуда идёшь? — спросила я, глядя на огонь.

— Откуда «оттуда»? — немного просиял он, обрадовавшись тому, что мне от него что-то нужно.

— Ну, от дерева.

Он помолчал и сказал:

— Да, конечно.

Я поёжилась. Придётся ещё расспрашивать этого субъекта, хотя настроение было укрыться полусухой курткой и задремать...

— И какое оно? — спросила я.

Он опять помолчал, дождавшись, пока я на него не посмотрю. А потом сам перевёл взгляд на костёр и задумчиво сказал:

— Красивое.

— Ты дурак! — выпалила я.

Он рассмеялся.

— Что смешного?

— Люблю, когда меня называют дураком!

— Почему это?

— Оно красивое... — повторил он вместо ответа.

— Оно не может быть красивым.

— Почему? А какое оно, по-твоему?

— Оно... — я задумалась, подбирая слова, — оно мерзкое должно быть! Но никак не красивое...

— Эй, постой, — удивлённо воскликнул он. Это странно, но он мне даже понравился немного в этот момент. — А ты разве не видишь красоту в этом? — В чём «в этом»?

— Ну, в этом! — и он развёл руки в стороны и слегка потряс ими. — В этом во всём.

Я опять задумалась. Да, он прав. За эти несколько дней окруживший меня серый мрачный мир и правда начал казаться по-своему красивым. Ободранные деревья, насыпи полусгнивших уже, как будто покрывшихся язвами листьев — останки жёлтой осени. Даже в сегодняшнем поле было некоторое величие и первозданность. И несколько

ночей с костром, с воспоминаниями, с бликами от огня. Это было завораживающе, как-то по-первобытному.

— Эта красота... — сказала наконец я, — она есть, да. Она только... готическая такая.

— Да... Спать хочешь?

— Хочу.

Мы легли по разные стороны от костра. Через пять минут он спросил:

— Можно тебя обнять?

— Нет, — сказала я.

Хотя мне очень хотелось, чтобы меня обняли. Но не он. Может, я жестокая? Но что поделаешь, если всё так.

Я вдруг вспомнила момент из далёкого детства. Я была совсем маленькая. Стояла зима, и мы очень сильно поругались с мамой. Я выбежала из дома в одних колготках и накинутом пальто, без шапки. Выскочив за двор, я забилась в ямку посреди горки, заваленной снегом. Горкой была куча из земли и кусков фундамента не построенного кем-то когда-то дома. Я сидела там, посреди бетона и снега, сжавшись в комок, и плакала. Мне так хотелось тепла, так хотелось, чтобы меня кто-нибудь обнял... Я вдруг поняла, что потом, уже взрослой, сжимаясь иногда от непереносимой жизненной безысходности в комок, на кровати или на полу, я становилась той маленькой девочкой, которая лежала посреди зимы и так хотела объятий. Так хотела, чтобы кто-то был рядом, и даже не говорил ничего, а просто обнимал, не злясь на меня за мои слёзы. Калитка скрипнула минут через пять. Мама несколько раз крикнула моё имя. Только сейчас я понимаю, сколько горечи и страха было в её голосе. Тогда я этого не поняла и продолжала сидеть в своём укрытии, обиженная на неё и на весь мир.

Когда я проснулась, парня не было. Я слегка перекусила и, собравшись, двинула дальше. Вот дура, даже не спросила, долго ли мне идти. Еды оставалось уже не так много.

Сегодня природа уготовила мне новое испытание. Дождя не было, но были деревья. Невысокие, колкие и ветвистые. Почти сразу я поцарапала себе лицо, пробираясь сквозь ветки. После этого я стала поосторожней и аккуратно огибала эти гнусные коряги. Часто приходилось нагибаться. Часто приходилось обходить. Бывало, я срывалась и, держа двумя руками перед лицом рюкзак, просто начинала бекать вперёд как бешеная. Ветки расступались, некоторые трескались и ломались. Я бороздила ногами землю, пока не напарывалась прямо на дерево или не падала, теряя равновесие. Уже к обеду я была дико уставшая и грязная, как свиношка. Куски грязи налипли на мою куртку и волосы. Джинсы уже просто сливались с окружающим пейзажем. Я была похожа на женский вариант Робинзона Крузо и Маугли разом.

Поела я, сидя на холме и глядя на проезжающие по трассе машины. В отдалении виднелась заправка с магазином, где я смогу купить еды по пути назад. Наверняка для водителей этих машин я казалась статуей какого-то языческого бога. А может быть, я просто фантазирую.

Я знала, что скоро приду. Бредя по земляной дороге, наступая на грязные лужи, пиная пустые пластиковые бутылки, я смотрела вдаль, на коршунов, планирующих над свалкой. Она была чуть на пригорке, и мне пришлось подниматься, хотя ноги болели уже просто нестерпимо. Я шла дальше, между хаотичных куч из отходов, сгнившей травы, сломанной мебели, непонятных предметов. На другом конце двое местных жителей на миг остановились, высматривая меня, но, видимо, поняв, в чём дело, принялись дальше рыться в поисках добычи. Спустя две минуты я увидела его и расплакалась.

Это произошло не сразу. Сначала я, заворожённая, смотрела на него. На дерево. Оно было огромное, наверное, метров двадцать в высоту. Огромное, массивное, могучее и одинокое. Его толстый ствол, искривляясь, поднимался вверх, давая множество отростков, порождавших всё новые отростки, порождавшие новые отростки... Оно было большое, могучее и очень ветвистое. Я не разбираюсь в деревьях. Но в этот миг для меня это дерево было гигантской секвойей, хотя я даже не помню точно, как выглядит секвойя. Оно стояло чуть в низине, в совершенном одиночестве. Ни других деревьев, ни кустарников, только оно. Я подумала, что вот она — цель моего паломничества. И от этого я расплакалась.

Утерев слёзы рукавом грязной куртки, я стала спускаться. Только сейчас я заметила человека, сидящего, прислонившись спиной к дереву. В паре метров горел маленький костёр. Я на миг задумалась о своём внешнем виде, но потом поняла, что у него вид, должно быть, и того хуже, учитывая его место обитания. Метрах в двадцати я снова остановилась. Он был прав, тот парень, прав, чёрт побери. Оно было потрясающим! Дерево. На его бесчисленных ветвях, погружающихся в окрашенное заходящим солнцем небо, висели десятки, сотни некогда разноцветных, но сейчас посеревших пакетов. Они заплетались в небольшие бутоны, оборванные, потерявшие цвет, болтающиеся на ветру пакеты. Они висели, как ленточки, которые повязывают на ветвях, загадывая желание.

Подойдя ближе, я воскликнула бодро:

— Так это оно?

Он, мужчина лет сорока пяти, с бородой, в пуховике и шапке, курил сигарету. Повернувшись ко мне, он улыбнулся и доброжелательно (какой же молодец) ответил:

— Да, оно. Дерево несбывшихся желаний...

После этого мы молчали минут пять. Я отвернулась и снова начала плакать. Все воспоминания накатили на меня, но я для этого и шла сюда: ощутить их в последний раз и проститься с ними. Наконец я успокоилась. В который раз помог грязный рукав, я подошла ближе. Нижние ветви висели в полуметре над моей головой.

— А как это получается? — спросила я.

— Летом ветер пакеты надувает. Знаешь, как в фильме «Красота по-американски»? — сказал он. — Они цепляются, заплетаются, и висят так потом... Соседние ветки их обдирают, грязь и пыль обесцвечивают, и вот получается такое серое чудо. Красиво, да? — Очень, — медленно протянула я.

— Ты хочешь отпустить своё желание? — спросил он.

— Да, откуда Вы знаете?

— Потому что я хранитель дерева, — он улыбнулся улыбкой без пары зубов и подмигнул.

Мне захотелось сделать для этого человека всё, что я только могу.

— Ладно, — шмыгнув носом и поддержав его весёлым тоном, сказала я. — И как же мне это сделать, мистер хранитель?

Он встал и, выдерживая паузу, отряхнулся.

— Ну! — заговорил хранитель. — Для начала, ты уверена, что хочешь отпустить это желание? Что хочешь идти дальше?

Я тяжело вздохнула. Это была игра, всего лишь игра, но сколько она значила для меня... Я прозвнесла:

— Да, я уверена. Я шла несколько дней для этого.

Он хмыкнул.

— Ну что ж. Тогда найди своё желание. Найди и сорви его. Ты знаешь, где оно?

Я вновь оглядела дерево.

— Знаю, — ответила я. Я подошла чуть в сторону и посмотрела вверх. В дальнем фокусе моего зрения сквозь тонкие линии веток просматривалось тёмное матовое небо. В ближнем — привязанный природой к одной из веток, еле видно колыхался на ветру белый пакетик. Это было оно, среди всей обесцвеченной почерневшей массы людских желаний, я своей хрупкой девичьей душой отыскала своё, я была уверена. Мне хотелось ободряющего взгляда. Я посмотрела на мужчину, его вид был серьёзен. Он кивнул.

Я подняла руки и начала снимать пакет с дерева. Он непонятно как обмотался вокруг ветки и никак не поддавался. Я возилась уже пару минут, в мозг закралось знакомое отчаяние. Я начала рвать пакет. — Стой! — сказал вдруг хранитель. — Рвать нельзя.

Я остановилась.

— Рвать нельзя, — повторил он вновь. — Не торопись, аккуратно, встань на цыпочки и развяжи его.

И тут я успокоилась. Я совсем забыла то ощущение спокойствия, с которым жила последнее время. Мне нужен был просто ритуал. Чтобы

отпустить прошлое окончательно... Через минуту грязный, рванный, но всё-таки белый пакетик был у меня в руке.

— И что теперь делать? — спросила я.

— А ты догадайся, — спокойно сказал он, доставая сигарету.

Я догадалась. Подойдя к костру, я в последний раз взглянула на смятый в руке безликий целлофановый пакет и кинула его в огонь. Он вспыхнул и истлел за мгновения. На душе у меня было хорошо. Разделив с новым знакомым скудные остатки моей пищи, мы поболтали минут пятнадцать ни о чём. — Послушайте, — сказала я, глядя ещё дальше за дерево, на небольшую поляну, поросшую такими же деревцами, через которые пришлось продираться днём, — если здесь дерево несбывшихся желаний, то что тогда там?

Он посмотрел туда. И, только дожевывая кусок хлеба, ответил:

— Там деревья тех желаний, которые люди испугались загадывать.

— А дальше? — спросила я. Дальше раскинулась низина, за которую готовилось погрузиться заходящее солнце.

— Дальше? Там земля тех, кто не испугался после несбывшихся загадывать снова и оказался прав.

— Вот бы там оказаться... — прошептала я.

— Нет, — сказал он, бросая сигарету в огонь. — Так просто не получится. Вернее, может получиться, но сначала тебе нужно сделать кое-что. Сначала тебе нужно вернуться назад, к началу своего пути. Вернуться, но уже другой.

Через двадцать минут я устало брела по трассе. Назад я, пожалуй, доберусь на попутках. В совершенно пустой от мыслей голове лёгким звоном отзывалась гармония. Я поняла, для чего люди совершают паломничества.

Иван

Его звали Иван. У него была своя, собственножизненно, если можно так выразиться, выведенная, не похожая ни на что философия.

Родился Иван в Москве и рос весьма активным и любознательным мальчиком. Рано заговорил, быстро научился читать и писать. Уже в раннем возрасте у него проявились способности к точным наукам. Он любил анализировать и размышлять.

Семья его, кстати, была весьма состоятельной. Жили они в огромной двухуровневой квартире в престижном районе столицы. Ещё имелся прекрасный особняк в Подмоскowie, в который семейство иногда выбиралось летом и на Новый год. Были ещё парочка квартир, какие-то земли, доли в ресторанах и прочих бизнесах, акции, ещё что-то... но на тот момент Иван, разумеется, всего этого не знал. О богатстве ему было известно по сравнительным впечатлениям, полученным с улицы и из телевизора.

Родители очень любили Ваню, но не могли уделять ему много времени, поэтому за ним присматривала няня. Няня была милая, но странная. Она была какая-то вся воздушная и потрясающе хорошая. Как бы мальчик ни шалил, она всегда оставалась спокойна и добра. Ещё она часто говорила о том, что их мир—это всего лишь небольшая часть Вселенной. Что главная цель человека—это счастье. И самое странное—в этой жизни большого счастья не будет. Оно будет потом, в другом мире, и чтобы попасть туда, нужно быть добрым и хорошим. Однажды, укладываясь в постель, Ваня спросил отца, почему няня такая странная.

Отец сказал:
— Да не обращай внимания, сынок. Она какая-то дзен-буддистка, что ли. . .

Иван хотел спросить отца, а что же такое «дзен-буддистка», но тот его перебил:

— Она тебе что-то плохое говорит?
— Да нет,—на миг призадумавшись, ответил Ваня.
— Ну вот и хорошо,—сказал отец, поцеловал мальчика в лоб, потушил свет и ушёл читать документы.

Отец Ивана был членом правления одного из крупных банков. Он постоянно пропадал на работе, много ездил по командировкам, а когда был дома, то всё равно часто заседал в своём кабинете, листая какие-то бумаги. Ваня отца очень любил и много наблюдал за ним, когда тот был дома.

Исходя из разговоров родителей, редких гостей, телевизионных репортажей и общения с другими людьми в садике, а потом в начальной школе, Иван понимал, что его отец—богатый, влиятельный, преуспевающий и очень успешный человек. В то же время дома отец часто выглядел поникшим и уставшим. Иногда он пил в своём кабинете, а когда все засыпали, шатался по дому в поисках непонятно чего, постоянно запинаясь и цепляя стопики, комоды и прочую мебель. Ещё во время таких хождений он сильно матерился. Пару раз Ваня даже видел, как отец плакал. Мальчик был так удивлён и напуган таким зрелищем, что убежал в свою комнату и забивался в кресло в углу. Кроме того, родители иногда ссорились, не часто, но сильно. . .

Из всего этого, основываясь на своих наблюдениях, словах людей, в том числе очень важно—словах няни, Иван сделал первый в своей жизни важный вывод, который, переводя на «взрослые» категории, можно было выразить так: богатство, престиж и успех счастья не приносят.

Мама же Вани занималась рестораном. Она, конечно, работала гораздо меньше отца, но тоже практический каждый день уходила на работу. Няня говорила, что мама—очень сильная женщина. Кроме того, мама была потрясающе красивой. Высокая, стройная, в свои тридцать семь она сохраняла гладкость кожи и блеск волос. Богатство подчёркивало её стильность и грацию.

Но мама тоже пила и плакала. Толькодело это не так буйно, как у отца, но это только выставляло напоказ какую-то безысходность. Бывало, она целыми вечерами сидела в кресле, потягивая martini и смотрела куда-то вдаль. Иногда она по телефону разговаривала с какими-то мужчинами. Ване, который подслушивал из-за угла, это было очень неприятно, хотя он толком не понимал, о чём идёт речь. Веяло каким-то обманом. Ссорясь с отцом, мама кричала, что он испортил ей жизнь, и иногда кидалась вазами.

Тогда Иван сделал второй в своей жизни важный вывод: красота счастья не приносит.

Ваня рос и превратился в юношу. Сексуальное взросление, как на дрожжах сдобренное непомерными карманными суммами, выдаваемыми отцом, произвело на него ожидаемый эффект. Подаренный на восемнадцатилетие спортивный автомобиль, ботики, клубы, развязные девушки, лёгкие наркотики. . . мысли в сознании завертелись, как стёклышки в калейдоскопе. Алкогольные и наркотические угары порождали как невероятные приступы удовольствия и эйфории, так и странные думы. В такие моменты Иван как будто гнался в тёмном лабиринте, освещаемым клубными фонарями, за белым кроликом или кем-то ещё. Всё это напоминало приключения Хантера Томпсона.

Также Иван мучительно не мог понять, нравится ли он девушкам непосредственно как личность или их привлекают его деньги. Дошло до того, что, занимаясь сексом с очередной красоткой, он начал испытывать что-то вроде несчастья и опустошения. Всё это стало казаться ему эфемерным и искусственным. Кроме того, девушка, в которую он вроде бы по-настоящему влюбился, как назло, выбрала другого. Почему так, думал Ваня? Почему, чёрт возьми, именно она? Любая, в которую он мог ткнуть пальцем, с радостью прыгала к нему в койку. А эта, вот именно эта, не захотела. . . Ваня был совершенно опустошён и измотан. Лёжа после очередной буйной вечеринки в своей кровати на чёрном шёлковом белье, от которого девушки просто приходили в экстаз, он сделал третий в своей жизни важный вывод: пьянство, клубы, угар, беспорядочный секс, возможность сорить деньгами, в общем, то, о чём грезят многие люди,—счастья в жизни не приносит.

Иван почувствовал, что надо что-то менять. Надо бы приостановиться и оглядеться вокруг, должна же быть ещё какая-то надежда.

Он сидел на скамейке в парке, смотрел вдаль и хотел, чтобы что-то случилось.

— Возьмите, пожалуйста,—подняв взгляд, Иван увидел девушку. Она была симпатичной, но совсем не такой, как те, что из его окружения. На ней были потёртые джинсы, красная вязаная кофточка, на ногах кеды. Волосы её были заплетены в две косички. Девушка протягивала Ване какую-то книжку.

— Это альманах стихов,— ответила она на молчаливый вопрос.— Здесь есть и мои. Екатерина Мезенцева, Катя,— и чуть погода добавила:— Самопиар!— И подмигнула.

Иван взял книжку и, сам не зная зачем, почему-то сказал: «Могу я угостить вас кофе?»

Жизнь Ивана изменилась. Прошло время, и он уже лазал с Катей по крышам, стараясь находить нужные слова в беседах про звёзды. Поначалу Ивану иногда хотелось позвать Катю в клуб, выпить коктейлей, но он понимал, что это будет что-то не то.

Они ходили по каким-то странным выставкам. Выставкам картин, фотографий, каких-то непонятных скульптур. Иногда там были просто горы опилок или какие-то сваренные трубы. Всё это было снабжено некими длинными пояснениями на бумаге, которые Иван абсолютно не понимал. Причём ему казалось, что эти подписи не особенно понимают и Катя, и её друзья, с которыми они ходили на выставки, а также сами авторы этих подписей. Потому что как их можно понимать, когда они вообще бессмысленны? Свои размышления Ваня старался держать при себе, опасаясь открыть со временем то обстоятельство, что был просто глуп. Но, как ни крути, для Ивана такая жизнь была интересна и нова, она давала эмоции, заставляла размышлять.

Ещё они с Катей часто бывали в различных компаниях, основным занятием в которых было пить и вести философские беседы. Люди эти были зачастую просто одеты, обладали длинными причёсками и, по-видимому, считали себя гениями. Они говорили о разном. О карме, о различных книгах, религиозных направлениях, музыке. Богатых они считали глупцами и стадом. Иногда они предлагали покурить траву, Ваня отказывался. На него смотрели, как на изнеженного мажора. При этом ему было странно, как можно считать кого-то глупым, когда ты сам несколько дней в неделю пьёшь дешёвое пойло и еле наскребаешь порой на метро.

Для Ивана деньги проблемой, естественно, не были. Он дарил Кате дорогие подарки. Она искренне говорила, что он не должен так делать. Это он, надо сказать, довольно высоко ценил. Когда Ваня привёл Катю знакомиться с родителями, те вопросительно переглянулись.

Гром грянул среди ясного неба. Они с Катей сидели у неё в комнате, она рисовала на холсте, а он любовался ею. Вдруг Катя сделала резкое движение вперёд рукой, пробила картину и расплакалась.

Через три дня Иван снова сидел на лавочке. Он жевал сахарную вату и глупо, обречённо улыбался. Катя расплакалась из-за того, что её сердцу было трудно осознавать тот факт, что Иван не тот, кого она хочет видеть рядом. Он долго утешал её,

а потом оказался как кот, которого выгнали на улицу, закрыв перед носом дверь.

Было сформулировано четвёртое важнейшее правило: люди, какими бы они ни были, счастья в жизни не приносят.

Было очень тяжело и гнетуще. Город давил, дом давил, окружающие лица давили... Попытки снова раствориться в пьянках и беспорядочном сексе облегчения не несли. Он поговорил с отцом. Отец внимательно выслушал.

— Послушай, сын,— сказал он.— Так получилось, что с рождения ты имел практически всё, что человеку нужно в жизни. Всё, к чему кто-то стремится много лет, ты получил только появившись на свет. Тебе не нужно было предпринимать каких-либо усилий, чтобы выжить. И не просто выжить, а получить хоть какой-либо комфорт и статус.

Отец почесал ухо, чуть задумавшись. — Логично,— продолжал он,— имея такую жизнь, познав все её радости и не приложив к этому усилий, ты придёшь к тому, что всё это пусто. И ощущение это будет только от того, что ты не знаешь, что бывает иначе.

В общем, отец предложил Ивану начать всё с нуля.

— Ты должен построить себя,— сказал он,— пройти сквозь тяготы и лишения, и только тогда ты поймёшь, чего на самом деле стоит жизнь и чего на самом деле стоишь ты.

Итак, в 22 года Иван пошёл в армию. Это было очень странно. Сидя в вагоне поезда и глядя на улывающую вдаль Москву, он думал о том, какая же разная бывает жизнь.

В армии его поразили многие вещи. То, что его били сослуживцы,— было больно, бессмысленно, но, как это ни противоречиво звучит, в общем-то понятно. То, как вели себя в армии сами военные, оставалось вакуумно, бесприсветно, как чёрная дыра, за пределами восприятия. Как-то ночью ему попытался это объяснить шёпотом сосед по койке. — Понимаешь, бл... Никто, на хрен, тебя здесь не научит стрелять из автомата. Никто тебя здесь не научит кидать гранату или водить танк. Единственное, что ты здесь поймёшь— это то, что вокруг происходит какая-то жопа. А если когда-нибудь вдруг начнётся война, то вот это будет самая большая жопа из всех. И тут ты вспомнишь, что что-то подобное с тобой уже было. И ты, типа, примерно знаешь, как действовать. Условный рефлекс. Понимаешь?

Иван задумчиво кивнул. Сосед отвернулся с чувством выполненного долга. Прошло время, Иван понял ещё многие вещи и вернулся домой. Он шёл по родному городу с улыбкой от уха до уха, и в его голове стремительно и громко неслась музыка группы «Браво»: «Пееееесня пльвёёт, сееееердце поёёт... Ээээти словааа о тебее, Моооскваааа». Иван излучал счастье! Он одновременно

излучал его и впитывал из каждого листочка, каждого камешка, каждой пары глаз, которые смотрели на него.

— Кажется, наш сын счастлив, — с улыбкой сказал как-то его отец жене. И подумал: «Ну вот, стал настоящим мужчиной».

Следующий шаг был — заняться своим делом. Отец предложил ему стать помощником директора в одной из семейных фирм, занимающих среднее место в личной империи. Иван, разумеется, согласился. Он наконец, казалось, уловил то самое предназначение каждого мужчины, которое далеко не всем дано исполнить. Нужно быть волевым, сильным, словно лев, идущим к своей добыче. Только такому мужчине посчастливится встретить и удержать женщину, настоящую женщину, которая будет способна понять и поддержать своего мужчину в трудные моменты жизни, а во времена взлётов с радостью примет ту лавину счастья, которой он её одарит.

Через некоторое время, научившись азам, Иван сам занял место руководителя. Работал он много и лихорадочно. Работал по принципу «хочешь что-то сделать — сделай это сам». Пропадал вечерами в кабинете, брал бумаги на дом (к тому времени он, конечно, жил в отдельной квартире). Учился выводить деньги, уходить от налогов, постигал практику подмаза и откатов. Потихоньку бизнес рос, а Иван чувствовал тот сладостный вкус, который имеют *свои*, собственноручно заработанные деньги. Но к ним он старался относиться максимально легко. Он по-прежнему помнил те золотые правила, которые последовательно вывел для себя, и главной его целью оставалось — найти всё-таки путь к счастью, о котором говорила когда-то няня. Чёрта с два, его нет в этой жизни! Нет уж! Только неудачники и псевдофилософы могут заявлять подобное. Есть счастливые люди, есть. У них любимая работа, хорошая жена, интересная жизнь. Нужно только найти это, найти закон, который сделает тебя победителем!

Нет, Иван будет богатым, будет сверкать лоском, но он уже никогда не будет тем сомневающимся юнцом, которого, возможно, выбирали лишь за деньги. Нет. Он будет работать над собой и добьётся успеха во всём.

Иван стал ходить в спортзал, в бассейн, на йогу. Он увлёкся иностранными языками и рисованием. Он катался на сноуборде, ездил в тёплые страны учиться ловить волны на сёрфинге. Участвовал в любительских соревнованиях по боксу и побеждал. Он растил своё детище, свою фирму. Он ходил на тренировки по НЛП и практической психологии. Он заходил в дешёвые кофейни и соблазнял женщин разговорами о Сальвадоре Дали. А когда они чуть ли не падали в обморок от роскоши его квартиры, втайне упивался собою. Был момент, когда Иван, слегка выпив, вышел в дорогом халате на свой

балкон, с красивейшим видом на ночную Москву. Шёл дождь, сверкали молнии. Иван, словно древний мистический маг, возвёл руки к небу и начал смеяться. После этого он легко улыбнулся над своей гордыней, съязвил что-то остроумное и остался доволен тем, что, даже став таким человеком, сохранил самоиронию. А это, как-никак, показатель интеллекта.

Свою первую любовь он нашёл быстро. Она торговала шмотками в каком-то бутике. Он трахнул её в первую же ночь. Щёлкнул, как орешек, и выплюнул. Она звонила, плакала, говорила, что любит, но он был непреклонен. Он не то, чтобы отомстил, это не было его целью. Он просто доказал.

Теперь оставалось найти Катю. К ней у него были совершенно иные чувства. Он представлял, как найдёт её, тихую и замызанную, несчастную в своей жизни жены какого-нибудь спивающегося художника-неудачника. Найдёт, обнимет, согреет, увезёт её от всего этого и даст столько нежности, на сколько только способен в своей нынешней роли мачо-победителя. И ещё он не причинит ей боли, как той бестолковой пустышке. Никогда не причинит ей боли. Никогда. Только любовь и нежность.

Искал он Катю около двух месяцев. Ходил по захудалым барам, андеграундным подвальным клубам, мастерским. Старые приятели изумлённо смотрели на него. Он не чувствовал к ним неприязни. Какой-то тонкий коктейль из превосходства и жалости. Он чувствовал себя сильным.

Она жила в Питере. Работала продавцом в книжном магазине и вела курсы живописи. — Извините, я ищу Катю Мезенцеву, — улыбаясь, сказал он некрасивой девушке-консультанту в магазине.

— Ааа, Катя, — протянула она, окинув незнакомца взглядом, — Катя ушла обедать.

Под давлением его вопросительного взгляда она добавила:

— Вот там кафе на первом этаже за углом, «Рояль» называется, она там должна быть.

Поблагодарив девушку, Иван вышел на прохладный воздух осеннего Питера. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Ну вот она, вывеска «Рояль». Иван вдруг вскользь подумал, что не умеет играть на рояле. Ничего, улыбнулся он, научусь. Вдруг его охватила тревога. Как, что сейчас будет? Но он научился успокаивать себя. Он научился быть победителем. Вот сейчас он зайдёт в кафе и увидит Катю. Она сидит за столиком, допивает кофе и читает какую-нибудь книжку. Он подойдёт и скажет: «Привет!». Она поднимет свои глаза, которые тут же расширятся от удивления. Он присядет, они заговорят. О чём будут говорить? Да бог его знает... О многом будут говорить, будут смеяться, вспоминая былые времена. А вечером он проводит

её домой и просто попрощаетея, не давая намёка на продолжение, но одновременно оставляя такое сладкое, волшебное ощущение того, что скоро в жизни предстоит что-то невероятно хорошее...

Он вошёл и увидел её. Она сидела с ребёнком на руках, славная такая, милая девочка. Рядом сидел и обнимал её симпатичный худой мужчина, с волосами, собранными сзади в пучок. Трио весело смеялось, мужчина улюлюкал с девочкой. Катя увидела Ивана. Их взгляды встретились на несколько секунд, и в них пронеслось и прошлое, и настоящее, и будущее. Они всё поняли в один момент. Что-то вдруг оборвалось.

Катя не успела издать ни звука. Иван вышел из кафе, стремительно вышел и, как в фильме, не видя ничего перед собой, побежал через дорогу. Его сбила машина. Не сильно так сбила, не трагично, даже смешно. Он улетел лицом в грязь. По законам жанра он должен был истерически захохотать над всей абсурдностью своей жизни, но ему, чёрт возьми, было как-то не до этого!

К слову, к этому времени многое в его жизни случилось. Например, умер отец, заваленный многолетним грузом ответственной работы, — сердце отказало. Мать вроде бы снова возродилась, но выразилось это в отъезде за пределы Родины с каким-то греком. Так что Иван скорее испытывал ещё одну потерю, чем точно знал, что мать действительно счастлива.

И вот, садясь в тёмное купе поезда Санкт-Петербург—Москва, он вдруг явственно понял несколько вещей: у него есть работа, к которой он как к процессу в принципе равнодушен. У него есть друзья, которые сейчас, в момент ясной осознанности своей жизни, оказались людьми, которых, кроме общности дел, мало что связывает. Наконец, у него есть множество знаний, умений и навыков... Которые никогда, хоть ты восемь раз оземь расшибись, не сделают его лучшим мужчиной для любимой девушки! И речь даже не о Кате, вернее, не только о ней. Вспомнив ключевые моменты жизни, Иван вдруг понял, что всё, что бы он ни делал, не приносило ему того, чего он хочет. Люди, которых так хотелось видеть рядом, всё время ускользали. Все начинания оканчивались каким-то нелепым тупиком. И это уже было совсем не весело.

Итак, жизнь Ивана повернулась на 180 градусов. Говоря проще, повернулась к нему задницей. Ему вдруг привиделось воспоминание из детства с плачущим отцом, и он понял, что становится таким же. Успешным, богатым, крутым, но несчастным. Иван понял, что изменения, которые напрашиваются, должны быть не просто косметическим ремонтом, это должна быть операция по удалению опухоли. И он на неё решился. Хотя «решился» — не совсем подходящее слово. Им двигала вовсе не решимость, а скорее отчаяние.

Иван решил, что все должны идти к чёрту. Бабы, художники, деньги, спортзалы, работа, проповедники и бизнес-тренеры, песчаные пляжи и квартиры. Во всём этом не было никакого смысла, ровно никакого смысла.

Он продал квартиру, коттедж, фирму, доли, акции, машины, побрякушки... он продал всё, что заработал сам и что оставил отец. Половину денег перечислил в благотворительные фонды, половину положил в банк. На всякий случай. Хотя был уверен, что они ему не понадобятся. Иван сделал то, что было противоположно предыдущему желанию победить и завоевать всё, — он сбегал от всего. Он решил, что если жизнь такая хреновая штука, то всё, что остаётся, это как можно больше от неё абстрагироваться.

Он долго размышлял над тем, что же может дать избавление, и наконец нашёл ответ. Он вспомнил армию и ночи на работе. Он вспомнил чувство, которое делало бессмысленным всё остальное — секс, увлекательные разговоры, размышления, дела, потребность встречаться с людьми, потребность что-то делать со своим телом и сознанием... то, из-за чего это становится ненужным и бесполезным в конкретный момент времени... это усталость. Иван вспомнил, как после армейского дня или безумной суматохи офисных встреч, сдобренных походом в спортзал, или, самое главное — боли от эмоциональных переживаний, он приходил в казарму или домой, падал на кровать и погружался в вязкий, тяжёлый, чёрный, вызывающий чувство надежды, но одновременно самодостаточный и сам по себе счастливый, не требующий ничего другого, мягкий, карамельно-сладкий сон... А как же хорошо утром... Как хорошо, когда ты проснулся, но сон ещё не отпускает тебя... Он окутывает тебя как облако, нежно держит, шёпотом зовёт назад. И ты не утруждаешь себя каким-либо усилием, а просто отпускаешь мир и снова медленно погружаешься в эту восхитительную негу забытия... И хорошо. И ничего, ничего тебе больше не нужно.

Итак, выход был найден. Или вход. Там, откуда не возвращаются, не важно. Главное было соблюсти все условия. Во-первых, надо было уставать. Ежедневно, хронически, всеми клеточками тела и мозга, выматываться так, что единственным желанием будет прийти куда-либо, где стоит твоя кровать, и упасть на неё, отключившись от жизни. А во-вторых, нужно изолировать себя от этого гнусного мира так, чтобы никогда, никогда больше, не дай Господь, в мозг не закралась гадкая мышь, что ты делаешь что-то не так. Иван представил себе древние поселения, отделённые друг от друга тысячами километров, которые можно было преодолеть лишь за годы. Поэтому все сидели на пятой точке, работали, ели, спали и не терзались

проблемами поиска какого-то важного смысла. Нет его, этого чёртового смысла, подавайтесь им!

Иван уехал из Москвы, оставив всё. Купил дом в небольшой деревне за Уралом. Устроился грузчиком на железнодорожную станцию. Он стал тем городским, вернее, в данном случае деревенским сумасшедшим, который тихо живёт, вечером работает, таская тяжёлые мешки и ящики, подрабатывает, заливая фундамент деревенских домов, когда кто-нибудь примет это редкое решение— что-то строить, чистит стайки за копейки, удивляя селян и заставляя их на миг почувствовать себя ленивыми горожанами... а под вечер приходит домой, выпивает литр молока, потому что готовить есть под грузом накопившейся усталости невозможно, ложится на кровать и проваливается в тот самый сон, о котором так мечтал.

Он не стал алкоголиком, чего следовало ожидать. Нет, он пил, но не забываясь. Как-то средне между простым деревенским мужиком и тем же деревенским сознательным хозяйственником, который капли в рот не берёт, а только работает, и все изменения в его жизни характеризуются только ростом поголовья скота и появлением новой техники.

Шло время. У Ивана появились приятели, женщина, которым он постепенно, медленно, не по дням, месяцам, а скорее годами, впуская в себя, рассказывал о своей предыдущей жизни. Конечно, как только такие вести появились на свет, они миглом расползлись не только по деревне, но далеко за её пределами. На Ивана показывали пальцем. Местные умники говорили, что он уедет. Сбежит, не выдержит, а если правильнее— поймёт, что живёт не своей жизнью, и опомнится. Но шло время, а Иван всё не уезжал и не уезжал. Он, казалось, врос в свою новую жизнь. Она впитала его, как чай впитывает сахар. Иван как будто объединил вокруг себя деревню, стал её столпом и самой яркой фигурой. Он стал ходячей былинной. Он был словно театр, собирая вечерами вокруг себя толпу людей со всех окрестностей, рассказывал истории из своей жизни, рассказывал о сотне прочитанных книг, десятках жизненных теорий и философий, приправляя это своими суждениями.

И вот, когда уже поверилось в то, что Иван был здесь всегда— Иван пропал. В один день, вернее, в одно утро его женщина обнаружила, что проснулась в кровати одна. Это было странно, потому что Иван неукоснительно следовал выбранной философии и спал минимум до обеда. Полдня женщина с глупым выражением лица просидела на стуле, глядя в одну точку. Потом, около 7 вечера она выбежала во двор с криком «Иван пропааал!!!».

Однако обмануть мир ей не удалось. Иван не появился вдруг, ведомый желанием Вселенной помочь отчаявшейся женщине. Иван пропал навсегда. Деревня собралась на сход. Всем было

ясно, что это никакая не ловкий трюк, Иван не выйдет вдруг из леса с мешком еловых шишек и не объяснит, зачем он за ними пошёл. Все на каком-то тонком уровне понимали, что он не вернётся.

Тем не менее терять народного героя без вести было невозможно. Произошло невероятное. Всем миром собрали денег на экспедицию и направили двоих людей в Москву на поиски гуру. Посланники сельчан не обманули, наняли детектива, искали в Москве и Питере, производили допрос Кати Мезенцевой— бесполезно. Найти Ивана так и не смогли.

Исчезнув так, одновременно и безвозвратно, Иван окончательно стал для своих соседей мифологическим персонажем, непонимаемым и безгранично любимым. Говорили, что он уехал гоняться за смерчами в американских пустынях. Якобы бабка (какая?) нагадала ему, что, лишь попав внутрь смерча, он будет унесён им в то место, где действительно обретёт жизненное счастье.

И вот— река Ниагара, разделяющая своими мощными водами Американский штат Нью-Йорк и Канадскую провинцию Онтарио, стремительно несётся вперёд. Снующие в небе вертолёты с телекамерами и рупорами передают картинку на ведущие телеканалы. В центре действия Иван, плывущий на плоту из четырёх круглых брёвен, связанных прогнившими лианами. Он, словно эпический герой, стоит на полусогнутых ногах, его длинные волосы, ставшие в легенде седыми, развиваются на ветру. Его грязная, потная, разорванная белая майка обнажает громадные мускулы, приобретённые в московских спортзалах и на деревенском вокзале. Его взгляд устремлён вперёд. Там, в чреве восхищающего весь мир Ниагарского водопада, бушует не поддающийся осмыслению, сметающий всё на своём пути, сильнейший за последние десятилетия лет смерч.

Наш герой, в которого по не понятным никому причинам стреляют американские и канадские солдаты, стремящиеся разрушить его мечту, неминуемо движется к цели. Он, как герой древнего мифа, готовится броситься в разверстую пасть льва, чтобы победить его.

Были и другие версии. Например, Ивана могли забрать пришельцы. Чем ещё объяснить такое непонятное, не оставившее никаких следов исчезновение? Излучая столь яркое энергетическое желание победить брэнность бытия на этой планете, Иван вышел на секретную частоту инопланетян, которые, почувствовав забытое уже ощущение сопричастности и восхищения, забрали его к себе.

Те же умники говорили, что Иван отправился в одну из европейских стран, чтобы воспользоваться достижениями крионики. Погрузив своё тело в жидкие субстанции максимально низких температур, он сохранил надежду дожить до времён, когда на Земле не будут важны ни любовь,

ни дружба, ни другие приносящие разочарование вещи. А наше сознание будет перенесено в электронный чип, размером с блоху.

А может быть, Иван сидел сейчас на холме, собирая ладонью капли росы с верхушек травинок и думал, что же ему делать дальше? Что нам всем делать дальше? Может быть. Всё может быть.

Таковы были легенды. Тем временем Иван через кубики льда, медленно таявшие в стакане с коктейлем, и собственно сам напиток пытался разглядеть океан. Океан был голубым, искрился отражавшимися лучами солнца и издавал звуки, казавшиеся Ивану лёгкой музыкой. Выпустив дым дорогой сигары, он сделал первый за много лет глоток.

Откинувшись на спинку плетёного кресла, Иван расплылся в улыбке. Он думал о первых днях в Москве, после возвращения из армии. О своей тогдашней радости. Нет, всё-таки человеку нужны потрясения. Только пережив задницу, можно понять, что избушка стоит к тебе передом. По-другому не получается.

За столик к нему подседа женщина.
— Разрешите? — спросила она по-английски и улыбнулась.

— Конечно, — ответил Иван.

Женщина закурила тонкую сигарету.
— Меня зовут Эльза, — сказала она, — а Вас?
— Иван.

— Иван? Вы из России?

— Да. — Иван наклонился к Эльзе, прищурил глаза и сказал полусёпотом: — Я русский крестьянин.
— Да Вы что? — театрально удивилась она, слегка рассмеявшись. — И что же делает русский крестьянин на трансатлантическом лайнере?

— Пробует в жизни что-то новое, — ответил он с улыбкой.

Она тоже улыбнулась.

— А Вы знаете, Иван... Я бы тоже не прочь попробовать что-то новое.

Наступила пауза. Она ждала ответа. И когда уже показалось, что пауза затягивается, Иван спросил: — Вам наскучила жизнь?

Тон его был серьёзен. Улыбка сошла с лица Эльзы. Её взгляд перескочил на палубу, потом снова на собеседника.

— Всем нам становится скучно рано или поздно...

Иван понял, что женщина ему нравится.

— Хм, — он посмотрел в небо. — Прямо сейчас?!

— Ха-ха... — подхватила она оживлённый тон. — Вы весёлый человек, Иван! Да, почему бы и нет, прямо сейчас!

— Пойдёмте, — он поставил бокал и встал.

— Куда? — удивилась Эльза.

— Искать новое. Пойдёмте-пойдёмте, вставайте!

Он протянул ей руку, а когда она встала, затушив сигарету, направился к борту.

— Океан чудесен, правда? — заговорил он, глядя в голубую даль.

— О да, конечно! Ради этого мы и здесь, — волосы её приподнимались от потоков ветра.

«А глаза грустные...» — пронеслась мысль у Ивана.

— Океан чудесен, — повторил он. — Вы умеете плавать?

— Что?

— Плавать умеете?

— А, ну да, конечно.

Вдалеке прозвучал смех. Они обернулись и увидели брызги воды, разлетающиеся от бассейна. Через секунду на поверхности вынырнул весьма тучный парень, и его смеявшиеся друзья что-то весело закричали на немецком.

Эльза улыбнулась, но выражение её лица тут же сменилось под серьёзным взглядом Ивана. Он взял её за руку.

— Если через час у Вас будет хорошее настроение, то я признаю Вам в любви, — сказал он.

Она опять рассмеялась.

— А если нет?

— А если нет, то е**сь всё конём, — сказал он по-русски.

— Что это значит? — спросила она.

— А сейчас узнаете! — сказал Иван, быстрым движением поднял её на руки, закинул свою ногу на перила, сильно оттолкнулся от пола другой и перекинул её через борт.

Перед тем, как их охватил океан, в фокусе его зрения мелькнули расширившиеся глаза Эльзы.

«Человек за бортом!» — раздался крик офицанта. На палубе началась суматоха.

Зима кончается

Медведь стоял и смотрел на мир. Мир был собственно льдом, водой, небом и более ничем. Да и была ли необходимость в существовании чего-то, когда вокруг блистала такая чудесная бесконечность?

Он стоял и вглядывался вдаль, будто стараясь обнаружить что-то. Казалось, ему известна очень важная тайна, не доступная той части мироздания, в которой есть города, все люди, бесконечные дела, какие-то важные события. Медведь походил на старого жреца индейского племени, ждущего появления на горизонте каноэ вождя.

Внезапно он вытянул вперёд шею, будто увидев это долгожданное каноэ, и меня обдало озарение, что тот, кого он ждёт, — это я. И он тоже испытывает ко мне большое уважение. В этот самый момент, когда чувство огромной радости вспыхнуло во мне, автобус сильно дёрнулся и я стукнулся головой о поручень.

Очнувшись, я понял, где нахожусь. Это было обычное утро по пути на работу. Машинально я повернул взгляд вправо, но ничего, кроме хмурых утренних лиц, снабжённых каркасами в чёрно-серых дублёнках, не увидел. Непонятная музыка доносилась из динамиков. В общем — привычная

картина. Как я умудрился задремать в этой обстановке?

Выйдя на улицу, я обрадовался крупному снегу, сыпавшему с неба в довольно больших количествах. Вспомнив медведя, я рассмеялся.

Ещё больше я развеселился, придя на работу. Хмурые физиономии коллег выдавали отсутствие в их утре приятных событий, пусть даже воображаемых. Это придало мне сил. Я как будто бы хранил некую тайну, знал положительный итог важнейшего матча, который все проспали. Они же, погружённые в повседневность, и понятия не имели, что есть повод для радости.

Захотелось что-то сделать. Внести какую-то необычность в монотонный утренний распорядок, устроить игру. Я оглядел людей. Кто-то уже погрузился в компьютер, кто-то читал книгу с планшета, остальные перебрасывались незначительными фразами.

Вычислив, что на месте нет Миши, я развернулся и проследовал на кухню. Он был там, похоже, с похмелья. От его брэнного вида меня охватила вторичная волна веселья. Горячий кофе, наполняющий кружку, вдруг представил таким радостным событием, что захотелось танцевать!

Я исполнил парочку несложных па.

— Что, весело? — поинтересовался Миша.

Мне показалось, что в этом вопросе был заключён весь, скопленный веками, жизненный груз многострадального русского народа.

— Ночью повезло? — предположил коллега.

— Нет, утром.

— Ааа... — промычал он.

Поняв, что дальнейшая беседа для него невыносима, я ушёл.

В коридоре я встретил Серёгу и Наталью Ивановну. Дождавшись паузы в их разговоре, я произнёс речь, окончившуюся вопросом, было ли в их жизни, что какая-нибудь фантазия или реально случившаяся нелепица порождала такое счастливое настроение, что все серьёзные жизненные проблемы затмевались этим чувством?

— Годовой отчёт, вот проблема, которую ничто не затмит, — сказала Наталья Ивановна.

Выйдя вечером с работы и поняв, что не могу идти домой, я завернул во встретившуюся по пути кофейню. Несмотря на весёлую музыку, разносившуюся по залу, там меня охватила дичайшая тоска. Равнодушно взирая на какао с зефиром, обозванным официанткой каким-то знакомым словом, я пребывал в поганейшем настроении. Возможно, виной тому была зима, лишившая организм некоторых необходимых для счастья гормонов. А может, просто жизнь, накопившая критическую массу неверных решений, слов и поступков, и никакая зима тут ни при чём. И даже наоборот, зима была как раз кстати, потому что лето мешает эти вещи разглядеть, сглаживая углы.

Все эти мысли и чувства казались бесконечными, непроглядными, похожими на знаменитое многокилометровое мусорное пятно, дрейфующее в мировом океане. Куклы с дырявыми глазницами, бытовые отходы любой масти, пластиковые бутылки и серая болотная жижа сжались вокруг таким кольцом, что конца и края не видно. Сколько было таких ситуаций, когда выхода не виделось? Но каждый раз он находился. Правда, и поверить в это каждый новый раз было невозможно.

Неожиданно я понял, что со мной разговаривают.

— Здесь свободно? Можно сесть? — спросил лысый мужчина и, не дождавшись ответа, опустил на соседний стул. Хотя половина столиков в зале были не заняты.

— Вы, похоже, о чём-то сильно думаете? — живо спросил он.

Округлив глаза от такого неожиданного вторжения, я, сам того не ожидая, моментально ответил. Слова просто автоматом слетели с языка.

— Да, думаю о полярных медведях. Вы что-нибудь о них знаете?

Он не удивился и, снимая пальто, сказал:

— О, я специалист по медведям! Подробней расскажете? Что вас интересует?

Тон его был таким, будто подобные разговоры между незнакомыми людьми в порядке вещей. Может, он сумасшедший? Хотя, может, не он, а я?

Я смерил его взглядом. Но никаких особых примет в нём не было. Хорошая, но не броская одежда. Карие глаза, небольшая щетина. Вид серьёзный, но добродушный. Он внушал доверие и располагал к себе. Такая энергетика идёт от человека, с которым только что случилось что-то хорошее. Я сказал: — Меня интересует, почему они подолгу смотрят вдаль, стоя на берегу океана.

Он восторженно посмотрел на меня и мотнул головой, мол, ничего себе! Потом почесал подбородок и, приняв позу поудобнее, увлечённо заговорил:

— Ооо! Это особый вид медведей, очень редкий. У вас самого есть предположение, что он там высматривает?

— Может, мусорное пятно, которое создали люди?

Незнакомец спросил:

— А зачем его высматривать? В нём что, есть что-то интересное?

Прозвучало это с такой претензией, будто я высказал на серьёзной научной конференции абсолютно бредовую теорию.

Я смутился и почувствовал раздражение. Что вообще происходит? Если бы это была красивая девушка, то можно было бы и принять эти игры. Но лысый мужчина... Вся ситуация вдруг приобрела странные оттенки.

Не знаю, заметил ли он мои душевные метания, всё длилось секунду. Но моментально моё

состояние вновь изменилось. Я подумал: откуда эта проклятая пошлость? Почему при любой неожиданной и нестандартной ситуации ум сразу начинает выкручиваться и противиться происходящему? А на каких же основаниях я желаю получить от жизни что-то большее, если не могу принять даже такую мелочь, как дурацкий разговор о медведях?

Я понял, что нужно быстро ответить, и выдал что-то несурзное. Главным было в тот момент не затягивать.

Незнакомец опять странно на меня посмотрел и через две секунды сказал:

— Нет там никаких пятен. Но что-то он определённо чувствует там, вдалеке, очень важное, не так ли?

В голове всплыла утренняя картинка глядящего вдаль животного. Вспомнились и мои эмоции от ожидания встречи с ним.

— Что он чувствует? — спросил я.

— Ваши предположения?

— Не знаю.

Тут подошла официантка и мой собеседник заказал чёрный чай. Наконец спустя несколько секунд он ответил:

— Должно быть, он чувствует вас?

— В смысле?

— Ну, вас! — воскликнул он. — Вы же чувствуете на себе чей-то взгляд, когда долго смотрят. Почему он не может чувствовать ваш? Вы ведь на него смотрите.

Тут я замолчал, не в силах ответить что-либо адекватное.

— Знаете ли, — заговорил он, не став дожидаться ответа, — я писатель. И в связи с этим хочу вам рассказать одну историю.

Я мысленно выдохнул. Понятно, писатель! Теперь проясняется... Среди писателей вполне бывают странные личности, пристающие к людям в кафе с дурацкими разговорами. Я откинулся в кресло. Возвращение диалога к привычным категориям расслабило меня. Но про медведя я ещё спрошу... Как он угадал, что медведь действительно ждал меня?

— Рассказывайте, — сказал я, пригубив какао.

Он посмотрел на меня и, удостоверившись, что я внимательно слушаю, тоже отпил чай и начал.

— Это произошло лет двадцать назад, на заре моей молодости. Когда мои писательские мечты в первый раз были жестоко унижены действительностью. Моя первая большая работа, роман, в который я вложил довольно много своих юношеских сил, оказался никому не нужен.

Не то чтобы я сильно витал в облаках и ждал успеха, но какого-то признания всё-таки хотелось. Как и любому творческому человеку. А тут я понял, что миру на мою работу по большому счёту плевать. Это сильно обломало крылья.

Он на секунду замолчал, видимо, что-то вспоминая.

— Я метался между ослабленным этой правдой желанием писать и необходимостью зарабатывать деньги нормальным с точки зрения окружающих способом. Да и вообще, жить как-то более по-земному, приглушив эти странные обрывочные сюжеты, возникающие в голове, — он покрутил пальцем у виска.

— У некоторых людей может возникнуть вполне резонный вопрос: почему бы не делать это одновременно? Почему процесс творения так сложно совмещать с другой умственной работой, которую большинство людей и считает удачной и престижной? Но многие творческие люди меня поймут. Здесь очень сложно быть двуличной натурой. Некоторым это удаётся, но их творческая сторона сильно теряет за счёт такого компромисса. Мне жалко тех, кому пришлось на него пойти.

Сделав небольшую паузу для глотка чая, он продолжил:

— Однажды ночью я лежал и не мог заснуть. К тому времени я почти год ничего не мог написать. Семья у нас была небогатая, жили в однокомнатной квартире с младшим братом и мамой. Отца не было. Теперь понимаете, что необходимость зарабатывать, а не просиживать штаны, стояла весьма остро?

Я кивнул.

— И вот я лежал на своей кровати и мучился бессонницей. Не помню, о чём тогда думал. Но вдруг ко мне пришёл отчётливый образ, вокруг которого начал складываться рассказ. Этот образ был таким чётким и притягательным, что фразы так и закружились в голове! Для меня это было как дождь после засухи... — он хлопнул в ладоши. Люди в кофейне обернулись на звук, но мой собеседник не обратил на них внимания.

— Но я знал, что, как только встану и попытаюсь его записать, он уйдёт. Мгновенно улечит, сбежит от меня, как было всё последнее время. Я почти привык к той ситуации, когда воображение сначала привлекает меня прекрасными картинками, но как только ручка и бумага оказываются под рукой — предательски разворачивается, показывая язык!

Он жестикулировал, изображая своё смятение.

— И вот я лежу. Времени — третий час ночи, а завтра на работу. И я знаю, что рассказ скорее всего уйдёт. И я наверняка разбужу родственников, если попытаюсь его записать.

Всё это мучило меня! К тому времени я свыкся с мыслью, что жизнь встречает любые необычные, спонтанные, творческие, сумасшедшие порывы отторжением и неодобрением. Я был почти убеждён, что мои игры воображения — всегда не к месту. Что это что-то пустое, несерьёзное, нелепое, бесперспективное.

Он говорил довольно эмоционально, и я об­ратил внимание, что на нас смотрит сидящая за соседним столиком женщина. Тоже заметив это, мой собеседник подмигнул ей, чем порядком её смутил.

— И вот, лёжа и переворачиваясь с боку на бок, я вдруг подумал: а почему я принимаю за аксиому все эти обстоятельства? Почему правда выглядит так, будто всё вокруг стремится меня уничтожить?

Сообразив, что я не совсем понимаю, он объяснил:

— Почему правда не в том, что я писатель и ко мне идёт рассказ, а в том, что мне что-то мешает его записать?

Я подумал, что, если чувствую необходимость заниматься чем-то и жить определённым образом, то именно это и должно стать моей правдой. Не помехи, непонимание и осуждение людей, необходимость спать, когда все спят, а именно то, что я чувствую. Я писатель, к которому идёт рассказ. И что должен делать в этом случае писатель?

Он уставился на меня.

— Писать.

— Правильно! Встать и пойти писать. Если вокруг не происходит пожар или какие-то иные события, на которые стоит реагировать, исходя из здравого смысла. Только не из чужого здравого смысла, а из своего. Потому что чужой может подсказывать некоему человеку, что ты не писатель, а какой-нибудь экономист.

— Но ведь не все чувствуют свою правду,— сказал я,— иногда кажется, что себя совсем не знаешь.

— Да все,— не согласился он,— все её чувствуют. Просто почему-то нас очень сильно убеждают в обратном. И поверить, что исходящая из твоего нутра потребность в чём-либо и есть самый правильный выбор для тебя— великий подвиг, о котором написано тысячи книг. Хотя, наверное, нужно ещё больше.

— То есть вы тогда написали этот рассказ?— встал я.

— Главное, я пошёл его писать. Остальное не так важно. Я дописал его потом, ведь это работа, она требует времени. Важно, что с того момента всё изменилось.

— Что именно?

— Я поверил в то, что моя правда не слабее правды остальных. И стал вести себя соответствующе.

— А если кто-то чувствует, что его правда— убивать людей?— спросил я.

Он поморщился.

— Фильм «Танец Дели»¹ видели?

Я кивнул.

— Почему Освенцим—это первое, что пришло вам на ум?— процитировал я.

Теперь кивнул он.

— И что, это всё, что нужно, следовать своей правде? Просто поверить в то, что ты прав, и начать так жить?—спросил я. Знаю, это наивно, но мне захотелось задать эти вопросы.— А проблемы? Проблемы, которые из этого возникнут?

— Какие проблемы?—спросил он.

— Те самые. С деньгами, например.

Он посмотрел в свою пустую кружку.

— Нет никаких проблем, понимаешь? Для полярного медведя нет пробок, дымящих заводов, вырубки лесов, голода. Яму не нужен ионизатор воздуха. Кому стало бы лучше от того, что медведь стал беспокоиться по всем этим поводам? Ну, кому? Просто есть те, для кого беспокоиться по всем этим поводам и что-то делать—их внутренняя суть и их правда. Не стоит принимать её на себя.

— И что всё-таки нужно делать?

Он вздохнул и посмотрел на часы.

— Делать придётся много чего. Главное—пойми суть. Поверить в свои мечты и свою собственную идеальную жизнь. Без оговорок и протестов. Поверить и сдать.

— Кому?

— Тому, кто смотрит на медведя.

Я не понял. Захотелось задать вопрос, но он перебил:

— Мне пора. Приятно было пообщаться.

И добавил, в который раз меня огорошив:

— У тебя всё будет хорошо.

Я вслед за ним встал, а вернее, вскочил со стула и засыпал его вопросами. Как, почему, откуда он уверен? Как его зовут и откуда он вообще взялся? На этот раз все в кофейне устали уже на меня. — Только не подумай, что я какой-то пророк,— сказал он.— Мне просто кажется, что ты выберешься из своих передрыг. Я склонен считать, что люди способны выбраться из своих передрыг. Видимо, поэтому они меня и читают!—он засмеялся.

Было странно, что он не хочет назвать своё имя, но в жизни я встречал людей, предпочитавших нагнетать на себя таинственность, и решил, что здесь тот же случай. Напоследок мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его. Подмигнув опять всё той же даме, внимательно изучавшей нас всё это время, он ушёл так же быстро, как и появился.

Через десять минут я вышел на улицу и вдруг вспомнил, что скоро весна. Я шёл и снова думал о недостатке солнца, о простой химии тела, которая скоро подарит другие чувства, другие состояния, другую правду.

Всё-таки как хорошо, что в этом мире, который, возможно, просто чей-то грандиозный сон, зима кончается.

.....

1. Фильм российского режиссера Ивана Вырыпаева.